

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Не укажешь... (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0012
III.....	.0019

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Не укажешь...
Рассказ

Летнее душное утро. Солнце поднялось без лучей, в кровавом зареве. Воздух стоит неподвижно, точно расплавленный металл. Земля уже две недели томится засухой, а дождя все нет. Громадное село Вершинино точно вымерло. Нет обычного оживления, деловой суеты и движения. В воздухе точно висит роковая мысль о засухе. Широкая улица пуста, и только кой-где у завалинок копошится белоголовая деревенская детвора. Некоторые признаки жизни замечаются в двух пунктах — у кабака и волостного правления. У волости стоят две пустых телеги и привязана к столбу хромая лошадь. В тени ворот лежит волостной пес Гарька; он высунул язык и изнемогает от наливающегося зноя. Все окна в волости распахнуты настежь, но эта крайняя мера не достигает цели — в комнате и душно, и пыльно, тяжело.

— Вот так жарынь навалилась... — изнемогающим тоном повторяет староста Вахромей, не обращаясь, собственно, ни к кому. Здоровенный староста вообще испытывает угнета-

ощую тоску, когда сидит за столом. Кажется, и дела никакого нет, а тяжело сидеть чурбаном. Вон старшина, седенький и лысенький старичок, бывший содержатель постоянного двора, тот увяз в дела и читает какие-то бумаги, которые ему подсовывает писарь Костя, кудрявый молодой человек с зеленоватыми глазами. У писаря всегда дело, и он вечно скрипит пером, скорчившись над бумагами.

— Хоть бы дождичка... — уныло тянет староста, отмахиваясь рукой от мухи, которая стремится сесть непременно на его нос. — Вот бы как хорошо!..

— Ты бы шел домой, Вахромей, — советует старшина, — а то зря только торчишь тут...

— А што я буду дома делать?.. Здесь-то все же на людях...

— Право бы шел, — продолжает советовать старшина. — Делать тебе нечего, ну, богу бы помолился насчет бездождия. Ты у нас наместо дьякона — столько же работы...

Старшина — ядовитый старичонка и не упускает случая поязвить добродушного и глуповатого старосту. В свободное время писарь Костя помогает ему в этом скромном за-

нятии, и случилось не раз, что разозленный Вахромей бросался с кулаками на Костю, и писарь спасал свою приказную душу бегством. Но сейчас Вахромей не может даже сердиться и только моргает заплывшими жиром свиными глазками. До обеда еще далеко, а тут хоть ложись да помирай. В голове Вахромея проползает мысль о том, что хоть бы конокрада поймали — все же развлечение. Кроме начальства, сейчас в волости всего два мужика, которые почтительно стоят у дверей и внимательно следят за писарем, как тот выправляет им новые паспорта. Вообще ничего интересного... Староста слушает, как храпит сторож Ипат в своей каморке, как где-то жужжит муха, как воркуют голуби, — опять скучно. Хоть бы бабы подрались и пришли судиться, или Тришку-буяна привели, или завернул бы сторож Агац, который вечно жалуется на зятьев, — хоть бы что-нибудь этакое подходящее. Небось, в ненастье, особенно в осеннюю пору, так все и прут в волость, а теперь ни одна собака не забежит. Чтобы развлечься хотя немножко, Вахромей принялся ловить муху. Он закрывал глаза и ждал, когда

она усядется к нему на нос, но муха оказалась хитрее и не поддавалась этой уловке. Это невинное занятие неожиданно было прервано топотом босых ног сейчас под окном. Вахромей высунулся в окно и закричал:

— Куда вас, пострелов, несет? Вот уж я вас!..

Промчавшаяся детвора что-то крикнула в ответ и исчезла, как спугнутая стая воробьев.

— Куда бы им бежать? — подумал вслух Вахромей. — Уж не пожар ли, сохрани бог!..

Точно в ответ на эти слова, откуда-то из-за угла вынырнула босоногая и белокурая девочка, которая подошла к окну и тоненьким голоском проговорила:

— Дяденька, што я тебе скажу...

— Ну?..

Девочка перевела дух и ответила:

— Максим-то, который печи кладет...

— Ну?..

— Максим-то повесился, дяденька...

— Что ты врешь-то, глупая?..

— Вот сейчас провалиться, повесился... В бане у себя... Наши ребята видели. Все туда бегут...

— Это печник Максим?

— Он, он... Ребята-то бегут мимо бани, а в предбаннике голые ноги болтаются. Вот сейчас провалиться!

— Силантий Парфеныч, слышишь? — обратился Вахромей к старшине.

— Чего-нибудь врет девчонка... — отозвался старшина. — А ты с большого-то ума уши развесил!

Это недоверие оказалось преждевременным, потому что прибежал запыхавшийся сотский и подтвердил рассказ девочки. Впечатление получилось ошеломляющее. В Вершинине за десять лет это был всего второй случай, что человек вздумал повеситься. Утопленников было достаточно, бабы отравляли мужей, один солдат зарезался, а удавленники составляли большую редкость. Да и печник Максим — человек пожилой, непьющий, справный. Еще недавно он в церкви печь перекладывал.

— Что же мы будем делать?.. — спрашивал исполошившийся старшина. — Ах, разбойник!.. Время-то какое выбрал: страда на носу, а он веситься...

— А если ему нравится? — пошутил Костя.

— Вот я ему покажу... — ругался старшина. — Пойдем, Вахромей. Живого, сотский, вынули из петли?

— Как есть живой... ругается... Ребята доглядели, Силантий Парфеныч, а то бы удавился вконец.

— Ах, разбойник! Ах, душегуб!..

Староста Вахромей, совершенно был счастлив случившимся событием, которое точно разбудило его. Он быстро шагал вперед всех, так что старшина едва поспевал за ним. По дороге их обогнали еще две стайки деревенской детворы, летевшей к месту происшествия. От волости до избы Максима было всего сажень сто, — пройти по улице к церкви, а потом повернуть направо.

— Нет, время-то какое выбрал, а?.. — повторял старшина. — Добрые люди к страде готовятся, а он петлю себе приспособил... Ах, разбойник, разбойник!..

Около избы Максима собралась уже целая толпа, состоявшая из ребят, баб и стариков. Настоящих мужиков было не видно, — они точно совестились за случившееся. Изба у Максима была новая, хорошая, и двор хороший, и огород, и всякая хозяйственная пристройка. Одним словом, жил человек справно. Это обстоятельство еще сильнее озлило старшину. Ежели бы это наделал какой-нибудь пьянчуга, как зарезавшийся солдат или

забулдыга Тришка, а то настоящий, справный мужик, у которого старший сын женат второй год да две девки-невесты на руках.

— Чего вам тут понадобилось? — накинулся старик ка баб. — Брысь по домам!.. Точно на свадьбу сбежались!

Толпа попятилась, но не расходилась. Вахромей схватил валявшуюся палку и бросился разгонять.

— Убирайтесь домой, бессовестные!.. С человеком, можно сказать, несчастье, а они глазают. Вот ужо я вас!..

Максим, пожилой мужик с окладистой бородой, сидел у себя на крылечке и не шевельнулся, когда начальство вошло во двор. Это спокойствие немного озадачило старшину, и он проговорил как-то растерянно:

— Ты это что, Максим, надумал-то... а?..

Максим молчал, глядя куда-то в угол. В сенях что-то шевельнулось, и слышались сдержанные рыдания. Вахромей уперся глазами в Максима и рассматривал его с удивлением барана, который стукнулся головой в забор. Писарь Костя тоже смотрел на Максима, напрасно стараясь увидеть в нем что-нибудь

такое, что говорило бы об удавленнике, о человеке, который мог повеситься, — смотрел и ничего не находил. Человек, как все другие люди, Максим всегда был молчальником, молчал и теперь.

— Нет, ты что молчать-то? — уже с азартом наступал старшина, проникаясь своей ответственной ролью начальника. — Вот сидишь, вытаращил глаза, а мы за тебя отвечай... Время-то какое стоит, а?.. Вот-вот все поедут на покос, а тут мертвое тело... Одними понятиями заморили бы, да еще ставь подводы под станового, да под следователя, да под дохтура. Это как, по-твоему?.. Тебе-то все равно, а мы бы не расхлебались с начальством... Одних харчей сколько бы сошло за тебя, разбойника: и станового корми, и дохтура, и следователя... Это как, по-твоему?.. Да еще хорони тебя... Может, и попу пришлось бы платить, и за гроб, и за могилу, да еще поп-то отпевать бы не стал. Кабы ты своей смертью помер, так и похоронили бы тебя честь-честью свои домашние, а тут нам же пришлось бы с тобой возиться...

Эти хозяйственные соображения подняли

в старшине всю злость, и он даже замахнулся на неудачного удавленника.

— Надо осмотреть баню, — решил писарь Костя в качестве делового человека. — Все по порядку...

— И то осмотреть... — поддакнул Вахромей. — Может, там найдется што-нибудь... Ведь черт его знает, што у него было на уме!

Баня была старая, как ее поставил еще отец Максима. Осмотр не дал ничего интересного: баня как баня. Даже не было веревки, на которой хотел повеситься Максим.

— Надо понятых созвать, — советовал Костя. — Составить протокол на всякий случай. Да и баню надо, тово, опечатать.

Понятыми взяли соседей. По пути привели жену Максима, пожилую, болезненную женщину с убитым лицом. Она, как комок, бросилась в ноги старшине и запричитала:

— Будь отцом родным, Силантий Парфеныч, не погуби... Ничего я не знаю, ничего не ведаю.

— Ах, глупая баба!.. Нашей причины тут никакой нет, а што следует по закону, то Максим и получит.

Так как олицетворением закона являлся писарь Костя, то жена Максима и переползла к его ногам. Понятые стояли сумрачно и старались не смотреть на эту жалкую сцену, пока Вахромей не поднял старуху на ноги. Общее внимание теперь было занято принесенной старухой веревкой. Это был обрывок старых вожжей и походил на все остальные веревки. Как ее ни вертели, в веревке не оказалось никаких особенно зловещих особенностей. Писарь занес ее в протокол, как вещественное доказательство: «а вышеизложенную веревку приобщили к настоящему делу». Под протоколом подписался старшина, а Вахромей и понятые поставили кресты. После этой невинной церемонии больше ничего не оставалось делать, хотя все и сознавали, что нужно что-то сделать: случай вышел не за обычай, и всем почему-то было совестно.

— А что мы с ним будем делать? — взмолился старшина каким-то упавшим голосом. — Как его так-то оставить?..

— Конечно, связать, — соглашался Вахромей. — Еще убежит, пожалуй...

Эта мысль почему-то показалась всем са-

мой вероятной, и все торопливо зашагали во двор. Костя нес веревку, завернув ее в протокол. А Максим по-прежнему сидел на крылечке, в прежней позе. Старшина почувствовал новый прилив законного озлобления и накинулся на Максима с новым азартом:

— Ах, ты, идол отчаянный!.. Погляди-ка, как ты начальство свое беспокоишь! Все, брат, в бумагу описали, и веревка твоя — во... Будет над нами тебе издеваться! Да... Тоже придумал!

— Чего с ним разговаривать, — вмешался Вахромей, жаждавший тоже проявить свою энергию. — Костя, давай-ка сюда веревку-то...

В качестве специалиста Вахромей очень ловко скрутил Максиму руки назад и даже для безопасности поплевал в узел.

— Ну, теперь трогай.

Максима торжественно повели в волость. Он шел без шапки, опустив голову. В избе раздался громкий бабий вой. Вахромей шел впереди всех и кулаками разгонял толпу любопытных.

— Нет, что мы будем с ним делать! — повторял старшина, чувствуя изнеможение.

— А там видно будет, Силантий Парфеныч, — решил Костя. — Созовем старичков, пусть они решают... Дело совсем особенное. Ни к чему его не подведешь...

Хлопоты с Максимом заняли как раз все время до самого обеда, чем особенно был доволен староста Вахромей, скучавший без дела до тошноты. Неудачник-удавленник был посажен в холодную, а начальство отправилось по домам обедать. Около волости собралась кучка любопытных, ожидавшая дальнейших событий. Ответственными лицами при холодной оставались каморник Ипат, из отставных солдат, и сотский с бляхой. Посаженный в заключение Максим не проронил ни одного слова.

— Еще сделает над собой что-нибудь, — сомневался Ипат, заглядывая в дверное оконце. — Эй, Максим, ты жив?

Максим молчал.

После обеда начальство выспалось, напилось чаю и явилось в волость уже под вечер, когда свалил дневной жар. В волости уже собрались старички, долженствовавшие решить судьбу Максима. Все чувствовали себя неловко и потихоньку переговаривались между собой. Всем было ясно одно, именно —

что не иначе, что Максима попутал нечистый, а с другой, и закон требовал удовлетворения. Ведь если каждый так-то начнет безобразничать, то что же это будет?.. Вообще чувствовалась важность наступившего момента и еще большая важность предстоявшей ответственности.

— Ну, старички, надо это самое дело обмозговать, — заявил старшина, усаживаясь на свое место.

Писарь Костя вооружился бумагой и пером, чтобы писать постановление. Старичкам была предъявлена веревка, и они отнеслись к ней с должным вниманием. Седые и лысые головы внушительно качались, а веревка переходила из рук в руки. Самый влиятельный из стариков, бывший церковный староста Сысой, заявил первый:

— Не порядок, господа старички...

— Уж это што говорить!.. — загалдели разом судьи. — Прямо сказать: всех он остремил, Максим.

— А перед начальством кто должен отвечать? — опять начал горячиться старшина. — Он-то задохся бы в петле, а мы отвечаем... Да

еще мы же его и хорони на опчественный счет, да харчи начальству, да прогоны, да поп бы еще не стал хоронить самоубивца. А пора наступает страдная... Понятых должны бы были измором морить у мертвого тела. Вот какое дело, господа старички...

— Уж на што хуже, Силантий Парфеныч... Страм. А надо его самого, идола, допросить...

Сторож Ипат торжественно ввел Максима. Удавленник был бледен, но спокоен. Он был в одной рубахе, пестрядинных портах и босой, — такой упрощенный костюм совсем не вязался с трагическим положением Максима. Он несколько раз переступил с ноги на ногу, потом почесал одну ногу другой и посмотрел на вершининский ареопаг. Что происходило в душе этого человека? Что довело его до мысли о самоубийстве? Ведь было же что-то, что заставило его лезть в петлю, и это все чувствовали, рассматривая Максима с озлобленным любопытством. Наложить на себя руки — страшный грех, а Максим не побоялся. Писарь Костя громко прочитал протокол осмотра места действия, а затем Максиму была предъявлена «вышеизложенная верев-

ка».

— Эта, што ли? — сурово спросил Вахромей.

Максим взял веревку, подержал ее в руках, обвел присутствующих удивленным взглядом и конвульсивно улыбнулся.

— Ах, Максим, Максим!.. — укоризненно говорил один из старичков. — Вот как нехорошо! И што это тебя попутало?.. И что мы, значит, с тобой сейчас должны сделать? Отпустить так — не порядок... Ведь не порядок? Ну, отослать тебя к становому — закона того нет. Так, Коскентин? Озадачил ты нас вот как...

— Что вы с ним, господа старички, понапрасну балакаете? — обиделся старшина. — Ведь он-то нас не жалел, когда в петлю лез...

— Нет, постой, Силантий Парфеныч... Ты свое уж сказал, а надо все по душе, на совесть, чтобы никому не обидно было. Ведь и в ём, в Максиме, тоже не пар, а душа... Ну, как ты сам-то о себе полагаешь, Максим, про это свое качество, а?..

Подсудимый переминается с ноги на ногу и запускает руку в затылок. Этот жест обли-

чал, очевидно, начинавшееся раскаяние. Человек приходил в чувство у всех на глазах.

— Ну, Максим, так как же нам с тобой быть?.. По совести будем говорить, на полную очистку... Устыдил ведь ты нас всех. Руки опустились у всех... Ах, Максим, Максим!.. До чего ты нас-то довел?

Потом вдруг произошло общее молчаливое соглашение. Старшина сделал таинственный знак Ипату. Максима подхватили сотские... Через десять минут он поднимался с грязного пола и, поправляя приведенный в беспорядок костюм, угрюмо проговорил:

— А тоже не укажешь...

Ипат, уносивший пук розог, остановился, ожидая нового приказания, но старички только замахали на него руками.

Примечания

Впервые опубликован в газете «Русские ведомости», 1894, № 153, 5 июня. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 году. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. II, М., 1905.

[^^^]